

СТРАННЫЙ «ЯЗЫК» НОВОЗАВЕТНОГО КОРПУСА:
В ПОИСКАХ АУТЕНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ*

А. В. Вдовиченко

Институт языкознания РАН

Поступила в редакцию 30 декабря 2010 г.

Аннотация: лингвистический статус текстов Нового Завета составляет проблему, неразрешенность которой ведет к некогерентным концепциям языка этих источников. Методологические инструменты двух основных направлений в интерпретации («классицистов» и «гебраистов») позволяют лишь констатировать отсутствие строгой нормы в языке этих источников, вызванное неспособностью авторов следовать строгим литературным стандартам. Очевидные противоречия этих объяснительных концепций обнаруживают их неэффективность и теоретическую недостаточность. Разрешение проблемы автор видит в констатации аутентичной традиции новозаветных текстов, т.е. в литературной и религиозной практике грекоговорящих иудеев диаспоры I в. н.э. Параллельную лингвокультурную ситуацию можно наблюдать в практике православного богослужения, где также имеет место традиционный текст и создаваемые по его моделям современные тексты, отличные от современного литературного и разговорного языка.

Ключевые слова: лингвистический статус текста, корпус Нового Завета, некогерентность объяснительных концепций языка Нового Завета, аутентичная традиция, грекоговорящая иудейская диаспора, лингвистическая практика православной литургии.

Abstract: the linguistic status of NT texts sets a problem, which results in incoherence of language concepts of these literary sources. The methodological instruments of two basic linguistic trends of interpreting them (Greek-oriented and Semitic-oriented) allow just asserting that the given sources were written on a poor literary (colloquial) language («atticistic viewpoint»), or were just word-by-word translations («hebraistic viewpoint»). Obvious contradictions in the accepted descriptive model exhibit its incapacity. The key for solving the problem of the NT linguistic status lies in finding an authentic tradition for the NT texts, that is the literary Jewish Greek-speaking tradition having centuries-old linguistic practices (including literary). The parallel linguistic and cultural situation can be seen in contemporary Russia having the Old Slavonic liturgical practices.

Key words: the linguistic status of a text, the New testament corpus, incoherence of explanatory concepts of the NT language, authentic tradition, Greek-speaking Jewish diaspora, modern linguistic practice of orthodox liturgy.

Язык текстов Нового Завета составляет для исследователей доселе не разрешенную проблему, суть которой состоит в необходимости установить корректные отношения между языковыми данными, послужившими причиной появления этих текстов в такой форме. В данной статье предлагается несколько потеснить «строгие» лингвистические выкладки исследователей, ведущие к концептуальному хаосу, и обратиться к культурно-религиозной традиции, для которой данный способ создания текста был аутен-

тичным. В результате при условии преодоления схематизма лингвистического подхода и признании данных культурно-исторической реальности (в современной лингвистике последней вполне соответствует коммуникативная парадигма исследования), проблема может быть снята.

Среди исследовательских позиций, занимаемых по отношению к статусу новозаветных текстов, можно выделить несколько основных, магистральных, имеющих достаточно четкие определители. Это интерпретации 1) «классицистов», 2) «гебраистов» и 3) сторонников иудейского греческого [1, 2] (вероятно, следует также выделить и четвертую, которая может быть охарактеризована как некритичное противоречивое соединение всех перечисленных точек зрения, возникающее от недостаточного знакомства со спецификой материала или несостоятельности попыток учесть, охватить все существующие точки

* Исследование осуществлено в рамках НИР «Оптимизация коммуникативных процессов как предмет междисциплинарного исследования», выполняемых на основании государственного контракта No. 02.740.11.0370 в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

© Вдовиченко А. В., 2011

зрения). Третье и четвертое направления весьма незначительны по своим проявлениям и основательности доводов. Каждому из оставшихся двух (классицистов и гебраистов) свойственна заметная противоречивость, которая не может не убеждать в их внутренней неосновательности. Кроме того, сам факт существования многих концепций, прямо отрицающих друг друга, столь же прямо указывает на концептуальную нестабильность в данной области.

Главные отличительные черты любой из указанных позиций проявляются в отношении исследователей к главным *составляющим* наблюдаемой лингвистической ситуации, факт которых нельзя отрицать и, соответственно, на которых или вопреки которым строятся концепции *языка* грекоязычных иудейских (иудео-христианских) текстов: 1) *греческий лексический материал* (под которым имеется в виду не греческое семантическое и синтаксическое значение лексических единиц, а их *видимый греческий облик*) [напр., 3] и 2) очевидные *синтаксические и семантические семитизмы*, присутствующие в тексте. При этом позиция аттицистов предполагает акцент на греческой составляющей и стремится довести эллинский компонент до полного доминирования [4, 5]. Позиция гебраистов, напротив, сосредоточена на семитском компоненте текстов, видя в нем главный объект исследования [5].

В отношении обеих позиций ключевым становится вопрос о нормализованности текстов, попытки разрешения которого в рамках данных направлений вводят некогерентную схему: если нормализованным следует считать текст, написанный на каком-то из существовавших «языков», то такого языка на основании имеющихся данных предъявить невозможно. Поиски аутентичных языковых систем, тем не менее, ведутся, особенно в лагере классицистов, не достигая, впрочем, успеха. Так, вследствие соединения новозаветного материала с идеей нелитературного языка койнэ (в форме нелитературных папирусов), предпринятого Дайссманном [7, 8], новозаветная филология была приведена в еще более неопределенное состояние: точка зрения классицистов, для которой ранее было характерно литературное, «пуристское» отношение к новозаветному корпусу, получила аргумент в пользу греческой аутентичности текстов, но вместе с тем оказалась гораздо менее целостной: с одной стороны, стало будто бы невозможным отрицать связи новозаветных текстов со стихией *нелитературного* общегреческого койнэ, представленного папирусами, с другой, оказалось невозможным отрицать *литературности* этих текстов, обнаруживаемых классицистами в следах *аттицизма*, с третьей стороны, было по-прежнему невозможно оставить за пределами исследования огромное количество семитизмов, присутствующих в Новом Завете.

Истолковать данный конгломерат взаимоисключающих признаков новозаветного «языка», при сохранении теоретических позиций нелитературного койнэ, по сей день не представляется возможным: если текст *аутентично греческий*, то почему в нем присутствуют *семитизмы*, по определению представляющие собой нарушения греческой аутентичности? Если это *нелитературный язык*, то почему он засвидетельствован в *литературном* тексте огромного масштаба у многих авторов? Если в нем имеются все признаки *аттицизма*, то как его можно считать *нелитературным койнэ*? Если в нем присутствуют *семитизмы*, то каким образом его можно считать *общегреческим языком*?

В русле гебраистского направления вопрос о нормализованности заведомо решается в пользу ее отсутствия, поскольку изначально признается языковая неоднородность текста ввиду наличия семитского материала в обрамлении греческого.

Выход из апории «ненормализованности» представителями обоих направлений мыслится только в одном – в признаваемой по умолчанию идее *малограмотности* (или неконтролируемого, неосознаваемого билингвизма) авторов новозаветных текстов, которые якобы попытались, но не смогли написать правильно ни на одном из существовавших «языков» [4, р. 5]. В результате попытки исследователей представить непротиворечивую лингвистическую ситуацию сами собой свелись к необходимости *списать все неясности и странности на исследуемых субъектов лингвистической ситуации*, которые якобы писали на языке, которого не знали (иногда намеренно выставляя себя «безграмотными писателями» – как в случае ев. Луки) или дословно переводили (хотя не все и не всё). Исследовательская задача в таком понимании ситуации, в свою очередь, свелась к тому, чтобы определить следы различных «языков» в рамках единого «полуграмотного» текста [9] или расширить номенклатуру уровней древнегреческого «языка» [1, р. 46].

Рассматривая данную ситуацию с позиции общей лингвистической методологии, нужно указать, что в обширной панораме исследований суждения о лингвистическом статусе и природе новозаветных текстов всегда сводились к определению того «языка», на котором они написаны. Во всех примерах скольконибудь подробного касательства лингвистической темы исследователи прибегают к традиционной *инструментальной и/или биологической метафоре*, пытаются воссоздать целостную *словесную систему*, использованную в любом из текстов, представляя ее как «орудие» и/или как «живой организм»: в первом случае речь идет о синхронной перспективе исследовательского зрения, во втором – о диахронной. Примеры, знаменующие собой по существу полярные

точки зрения, тем не менее целиком едины в признании этих несомненных подлежащих любого лингвистического исследования – язык-инструмент и язык-организм. Так, *язык* (в обоих смыслах) имеют в виду как сторонники «переводной теории» Евангелий и других сочинений (гебраисты), так и адепты греческой аутентичности этих текстов (классицисты). Однако, как видно, воссоздавать в конкретных формах *язык*, на котором написаны эти тексты, оказывается *невозможным, если понимать под языком строгую систему правил употребления предметных единиц* (слов, морфем, комбинаторных вариантов и пр.). Как и во многих других случаях, коммуникативная реальность преодолевает рамки грамматик, словарей, таблиц и схем, которые накладываются на живые факты естественного вербального процесса. После неудачи «вписывания» материала в табличные данные «языков» на автора текста (субъекта лингвистической ситуации) возлагается ответственность за все несовершенство исследовательской процедуры. Однако именно субъект ситуации знает/знает о том, как говорить/писать, намного больше любого исследователя, который несколько насильственно стремится идентифицировать «инструмент» или «растение» в сознании актуального коммуниканта. Другими словами, коммуникант, в отличие от не вовлеченного в актуальную ситуацию исследователя, доподлинно знает/знает, как реализовать необходимое коммуникативное действие, обладая набором известных ему словесных моделей, в то время как исследователь навязывает ему знание сосюрговской (одновременно традиционной античной, объективной, словесной) системы языка, помещая его в прокрустово ложе своей неполной осведомленности о параметрах коммуникативной ситуации. В результате возникают суждения о дословных переводах (т.е. плохо исполненных), о мало- (или вне-)литературности грекоязычных иудейских сочинений рассматриваемого круга, о разговорном языке этих источников и т.д. При этом возникают несколько авторитетных формулировок, основательность которых на сегодняшний день, в новой лингвистической парадигме, требует пересмотра: «просторечный (разговорный, нелитературный) язык», «язык койнэ», «калькирование арамейских (древнееврейских) конструкций», «арамейское языковое сознание автора, сказавшееся в фактах интерференции (т.е. в пословном калькировании семитских конструкций)», «знакомство с Септуагинтой как фактор семитизации греческого текста», «перевод семитоязычных источников» и пр.

«Просторечный (разговорный, нелитературный) язык»: в отношении текстов новозаветного корпуса ссылки на их «разговорные» и «нелитературные» свойства изначально вызывают подозрение ввиду того, что речь идет о *письменных* текстах, име-

ющих за собой *многовековую традицию литературных практик* иудейской грекоговорящей диаспоры. Как известно, иудейские общины, рассредоточенные по территории ойкумены, сохраняли свою культурную и религиозную идентичность на протяжении всей эллинистической эпохи (что часто служило причиной дохристианского антисемитизма в языческой среде, крайним проявлением которого были погромы и ненависть, доставшиеся затем по наследству христианам первых веков). Иудейская община до 70-х гг. I в. имела особый статус, который прежде всего состоял в праве использовать нормы собственного религиозного законодательства. Иудеи диаспоры поддерживали тесные контакты с палестинским иудаизмом и не ощущали своей вторичности в вопросах богочитания. Для пришедшего в мир христианства грекоговорящие иудейские общины стали ключевым условием его социальной эволюции и успеха проповеди, которая стала возможной только в рамках грекоговорящих иудейских синагог [10, р. 53–68]. Пребывая как минимум до начала II в. в составе иудейской общины, христианство в лице своих писателей (новозаветных и тех, которые признаны были впоследствии не вошедшими в новозаветный канон) *обращалась к иудеям, прозелитам и «благочестивым язычникам»* («боящимся Бога»), которые были вовлечены в *синагогальную практику чтения, изучения и соблюдения Закона*. Использование просторечного языка было бы нарушением сложившихся в диаспоре традиций и, таким образом, – самым неуместным способом привлечь сторонников к Благой Вести, которая по своему содержанию была мыслима только в рамках традиционной (религиозной и, соответственно, лингвистической) практики иудеев.

«Язык койнэ»: «общий» язык, упомянутый в «Строматах» Климентом Александрийским (III в. н.э.) и затем введенный в научный оборот исследователями в XIX в., относится, по-видимому, не к целостному языку в сосюрговском понимании, а к возможности так или иначе понимать друг друга говорящими по-гречески. Констатировать единообразный языковой строй на имеющемся материале невозможно, о чем свидетельствуют исследования, взявшие отправной точкой идею койне как единого языка [11]. Это неудивительно, поскольку речь идет об обширных территориях, различных жанрах и стратах (уровнях и социальных слоях) использования греческого языка – что в совокупности препятствует составлению единого словаря (в том числе комбинаторного) и грамматики, которые традиционно конституируют язык. В таком случае можно ли говорить об эффективности понятия «койнэ» как исследовательского инструмента? Не констатирует ли понятие «койнэ» то же, что и для современной языковой ситуации термин «русский язык», в который попадают *все*

практики носителей в избранных пределах времени и пространства и который при более подробном исследовании всегда распадается на бесчисленные варианты языка: «русский язык» молодежи, хакеров, Достоевского, церковной проповеди, социальных низов, SMS-сообщений, рекламы, поэзии, Пушкина, средств массовой информации, индивидуального говорящего и пр. На что указывает столь общий термин, заставляющий признавать единством, скажем, «русский язык» поэзии и «русский язык» SMS-сообщений, не понятно. Тем более невозможно утверждать, что столь общий термин содержит какие-то специфические характеристики созданных на этом «языке» текстов.

«Калькирование арамейских (древнееврейских) конструкций», «арамейское языковое сознание автора, сказавшееся в фактах интерференции»: фиксирование семитоязычных языковых моделей в структуре греческого текста всегда имеет под собой идею спонтанности деятельности автора, так как будто семитские кальки в грекоязычном тексте явились в результате *неумелой и быстрой работы* порождающего письменный текст писателя, который использовал для создания своего сочинения язык, плохо ему знакомый, и не уследил за собой, переводя «родные» арамейские конструкции пословно на греческий. Такой наивный взгляд по сути представляет собой примитивную схему, которая, тем не менее, не безобидна в своей наивности: чтобы признать ее правоту, необходимо предположить достаточно значительную меру безответственности, инфантильности, странности, необразованности автора текста (обычно это мыслится по умолчанию, но часто эксплицитно: «Язык греческой Библии, за исключением случаев переводного греческого, был просто разговорным, принятым в повседневной жизни. Люди, стремившиеся к литературной славе, писали на искусственном диалекте, который был языком Афин времени их владычества, как поступают и современные образованные греки. *В отличие от них, новозаветные авторы слабо сознавали (had little idea) то, что они пишут литературу.* Святой Дух говорил всецело на языке простых людей... Сама грамматика и словарь вопиют против людей, которые могли бы позволить Писанию появиться в какой-то иной форме, нежели понятной для простого народа» [4, р. 5]). По-видимому, среди исследователей, придерживающихся данного направления, имеет место непонимание того, что авторы были не менее серьезны и осмысленны, чем сами исследователи, без всяких оговорок и снисходительных допущений. Дело в том, что создание письменного текста – процесс трудоемкий и длительный. Никакой спонтанности в создании текстов такого масштаба допустить невозможно. А значит, необходимо признать, что их написание было

полностью осознанным со стороны авторов. Они сознательно употребляли языковые модели, которые современным исследователям, благодаря некорректным исследовательским критериям, представляются пришлыми и неорганичными в структуре греческого текста. Нужно заметить, что автору текста, полностью осознававшему ситуацию коммуникации, были намного подробнее известны вопросы *уместности* тех или иных языковых моделей. Вряд ли стоит указывать аутентичным «информантам», действовавшим осознанно, какие языковые модели для реализации доподлинно известных им коммуникативных действий стали ошибочными («семитизированными»), а какие могли бы стать правильными. Данные модели были приняты в коммуникативном сообществе, которое представляли собой грекоговорящие иудейские общины, и этого достаточно для признания целостной нормализованной лингвистической практики. Так, в современной языковой ситуации вряд ли стоит ожидать, что русскоязычный автор, не слишком хорошо знакомый со спецификой английского культурного пространства и английскими языковыми моделями, возьмется за написание повести на английском языке, рассчитывая на благосклонное отношение аутентичной аудитории к его доморощенным выражениям.

С использованием данных понятий-инструментов попытки обнаружить какой-либо аутентичный «язык» приводят к конфликту между данными культурно-исторической и лингвистической реальности: с одной стороны, успешная коммуникативная практика распространения текстов в рамках традиционного сообщества, с другой – *ненормализованный текст*, исполненный семитизмами, обращенный к такой же «ненормализованной» аудитории. Деятельность авторов остается по меньшей мере не понятной, а зачастую просто странной (и даже иногда смехотворной) в результате применения таких объяснительных концепций.

Во избежание пространных рассуждений о неэффективности понятия «язык» как теоретического инструмента, а также о коммуникативном представлении лингвистического факта и о когнитивных основаниях любого актуального вербального процесса, можно воспользоваться простой аналогией, позволяющей наблюдать, что в действительности лингвистическая ситуация в культурном социуме (в которую вовлечены к тому же традиционные практики) намного более сложная, чем та, что предполагается объяснительными концепциями новозаветного «языка». Речь идет о современной русскоязычной ситуации, очевидной и непосредственной, которую *mutatis mutandis* можно уподобить эллинистической и которая обнаруживает вполне определенные черты для иллюстрирования *иной концепции «языка» новозаветных текстов.*

По-видимому, непротиворечиво мыслить статус текстов данного корпуса можно в том случае, если считать их *представителями пророческих письменных текстов грекоговорящей иудейской диаспоры*, которые по многим признакам подобны образцам современной лингвистической практики Русской православной церкви: *тексты новозаветного корпуса создавались подобно тому, как в настоящее время создаются новые тексты для православного богослужения* (например, тропарь Новомученикам и исповедникам российским: «Днесь радостно ликует Церковь Русская, / яко мати чада, прославляющи новомученики и исповедники своя...»), или Кондак Соловецким Новомученикам и Исповедникам: «Христовою любовью распалееми, мученицы, / и Того крест на рамо взявше, / понесли есте, божественне претерпевающе лютость мук...»). Создавая данные и подобные им произведения, их авторы используют *церковнославянские вербальные модели* (которые не используются в повседневном общении), обращаясь при этом не к носителям *обобщенного «русского языка»*, а к сообществу верующих, в котором принята данная лингвистическая практика; при этом следует отметить, что *родным (разговорным, повседневным) языком авторов*, очевидно, является русский. На основании созданного текста нельзя утверждать, что его авторы не знакомы с фактами современной русскоязычной литературы (по крайней мере, они явно не преследовали своей целью стать участниками современного русскоязычного литературного процесса, но исполняли другую коммуникативную задачу). Ясно также и то, что авторы предполагали адекватное отношение аудитории к своей «необычной» лингвистической деятельности, поскольку такое отношение предполагается самой практикой литургии в ее традиционных формах. Интересно заметить и то, что в данных текстах кропотливый исследователь при желании может обнаружить значительное число греческих и арамейских заимствований (как в сфере синтаксиса, так и в сфере лексики), однако столь же очевидно и то, что для их создания авторам *вовсе не потребовалось знание этих языков* (таблица).

В отличие от схематизма и неповоротливости концепций койнэ и перевода, заставляющих исследователей, ради сохранения правоты концепции, искажать подлинные параметры ситуации и, в частности, – роль и содержание деятельности самих авторов, идея *литургических письменных текстов* вводит нюансированную картину, гораздо более соответствующую *многоуровневой коммуникативной реальности* культурного социума. Если койнэ и перевод представляют собой взаимоисключающие и нечеткие схемы, с неэффективным теоретическим инструментарием, то *концепция литургических письменных*

текстов, учитывая субъективность авторского процесса, претендует на большую когерентность. Так, автор, рассматриваемый в теории койнэ как незнающий целевого языка писатель-невежда, а в теории перевода — как пословный (неумелый) переводчик, получает, наконец, возможность оставаться высокообразованным, квалифицированным знатоком своего дела, проявившим свой писательский талант и стиль. Механистичность, присутствующая в теориях койнэ и перевода, сменяется свободой и сознательностью, присущих индивидуальной когнитивной и коммуникативной деятельности.

Нужно заметить, что созданию адекватной лингвистической картины новозаветных текстов серьезно *мешает системная парадигма*, принимаемая в большей части исследований языка. От «языка» как системного теоретического объекта следует в значительной мере отказаться, поскольку детерминизм, свойственный такому «языку», всегда вытесняет личность говорящего/пишущего и его свободу (как в случае с новозаветными авторами). Кроме того, ввиду принципиальной деэтимологизированности слов и конструкций в естественном вербальном процессе, не стоит придавать слишком большого значения диахроническим и синхроническим деривациям, которые обычно устанавливаются путем сопоставления содержания табличных данных разных «языков». Любой «язык» является результатом деформирования какого-то прежнего состояния. Однако независимо от происхождения языковые модели получают санкцию аутентичного участника ситуации и только таким способом нормализуются.

В случае принятия идеи языка наблюдается определенное несовпадение между системами координат – исследователя и авторов. Понятно, что первый не может мыслить иначе, кроме как используя данный вид мнемотехники – «грамматическую систему языка». Но следует отдавать себе отчет в том, что это знание опосредованно и вторично. В отличие от исследователя автор вообще не мыслил категориями таблиц и схем, а видел перед собой возможность или невозможность *так* сказать/написать. Однако, пользуясь своим отстраненным положением, исследователь именно автора пытается загнать в лингвистические резервации, существующие в исследовательском сознании. Но в действительности там, где современный исследователь видит ходячую лингвистическую схему, участник ситуации видел живую коммуникативную реальность, состоявшую в том, что *такие* лингвистические модели были приняты и адекватны для реализации данных коммуникативных действий в рамках данной традиционной практики. Иными словами, осознавая себя участником иудейской религиозной и литературной традиции, обращаясь к традиционной аудитории, автор новозаветного

Сопоставление традиционной практики создания литургических текстов в грекоговорящих иудейских (I–II вв. н.э.) и современных русскоязычных общинах

Критерии сопоставления	Синагогальная практика создания текстов иудейской грекоговорящей диаспоры, I–II вв. по Р. Х.	Современная практика создания текстов для литургии Русской православной церкви
Целевая аудитория	Грекоговорящие иудейские общины диаспоры	Русскоговорящие православные общины
Традиция	Синагогальная грекоязычная; чтение и изучение Закона	Церковная русскоязычная; православное богослужение
Лингвистическая периферия создаваемых текстов	Греческая (языческая) литературная традиция; язык повседневного общения	Современная русскоязычная литература; язык повседневного общения
Источник вербальных моделей	Септуагинта (как парадигма для создания пророческого текста)	Церковно-славянский текст Библии (как парадигма для создания литургического и около-литургического текста)
Древность и авторитет лингвистической практики	три – пять столетий к моменту создания новозаветных текстов	десять – одиннадцать столетий на настоящий момент
«Родной» язык авторов	Греческий	Русский
Знакомство авторов с периферийной литературой	Знание современной литературы (и «грамотность» в эллинском смысле) вероятно, но данный факт в принципе не может быть установлен по языковым моделям, используемым в тексте	Знание современной литературы вероятно, но данный факт в принципе не может быть установлен по языковым моделям, используемым в создаваемых церковно-славянских текстах
Знакомство авторов с языком повседневного общения	Знание в совершенстве языка повседневного общения	Знание в совершенстве языка повседневного общения
Отношение текста к лингвистическим фактам других языковых страт	Отличия от других языковых страт намеренно культивируются. Особенно значимо отличать эти тексты от языческой литературной традиции и языка повседневного общения	Отличия от других языковых страт намеренно культивируются. Особенно значимо отличать эти тексты от светской литературной традиции и языка повседневного общения
Образованность авторов	Авторы принадлежат к наиболее образованным представителям общины	Авторы принадлежат к наиболее образованным представителям общины
Статус текста в современной лингвистической ситуации	Эпический, архаизирующий, традиционный, возвышенный, изысканный из прочих современных лингвистических ситуаций	Эпический, архаизирующий, традиционный, возвышенный, изысканный из прочих современных лингвистических ситуаций

текста не мог выставить себя на посмешище слушателей/читателей (что делает за него исследователь, используя «научные» методы – концепции койнэ и перевода). Аналогия с традиционной практикой православной литургии позволяет взглянуть на этот процесс более серьезным и внимательным взглядом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Horsley G. H. R. The Fiction of «Jewish Greek» / G. H. R. Horsley // New Documents Illustrating Early Christianity. – 1989. – Vol. 5.*

2. *Porter S. E. The Greek Language of the New Testament / S. E. Porter // Handbook to Exegesis of the New Testament. Ser. «New Testament Tools and Studies» / ed. by B. M. Metzger & B. D. Ehrman. – Leiden ; NY ; Kohl, 1997. – P. 99–130.*

3. *Hill D. Greek Words and Hebrew Meanings. Studies in the Semantics of Soteriological Terms / D. Hill. – Cambridge, 1967.*

4. *Moulton J. H. A Grammar of NT Greek, I. Prolegomena / J. H. Moulton. – Edinburgh, 1908.*

5. *Kilpatrick G. D. in J. Blinzler et al. (edd.), Neutestamentliche Aufsätze. Festschrift für J. Schmid / G. D. Kilpatrick. – Regensburg, 1963. S. 125–37.*

6. *Black M. An Aramaic Approach to the Gospels and Acts / M. Black. – Oxford : Clarendon Press ; 1st edn, 1946 ; 2nd edn, 1954 ; 3rd edn, 1967.*

7. *Deissmann G. A. Bibelstudien / G. A. Deissmann. – Leipzig, 1895.*

8. *Deissmann G. A. Light from the Ancient East / G. A. Deissmann. – Grand Rapids, 1980.*

9. *Maloney E. G. Semitic Interference in Marcan Syntax / E. G. Maloney. – Chico, 1981.*

10. *Rajak T. The Jewish Diaspora / T. Rajak // The Cambridge History of Christianity. Cambridge University Press, 2006. – Vol. I. – P. 53–68.*

11. *Frosen J. Prolegomena to a Study of the Greek Language in the First Centuries A. D. The Problem of Koine and Atticism / J. Frosen. – Helsinki, 1974. – P. 78–79.*

Институт языкознания РАН (Москва)

*Вдовиченко А. В., старший научный сотрудник
отдела теоретического языкознания, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*

E-mail: anlvdo@mail.ru

Тел.: 8 (495)915-22-77

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Science
(Moscow)*

*Vdovichenko A. V., Department of Linguistic Theory,
Researcher, Associate Professor St. Tikhon's Orthodox
University for Humanities*

E-mail: anlvdo@mail.ru

Tel.: 8 (495)915-22-77